

составил Алексей Лебедев. Ярославль, 1877, 6–11). К тому же, как подтверждает автор, служители новых культов, подчас, считались более сильными колдунами.

Историк единожды, во вступлении упоминает о религиозной трактовке сегодняшних стихийных бедствий (уверены, что этим летом на просторах России, в силу пожаров, наводнений, техногенных катастроф, таких версий появилось еще больше). К сожалению, именно в наше время стала былью «сказка» о том, что прегрешения человека — главная причина природных катаклизмов. И это, непосредственно, прегрешения против природы, против планеты. Миллионы людей не способны самостоятельно разобраться в науке о климате и ее предсказаниях, принимая на веру ее рекомендации. Они наблюдают драматические картины тайфунов, наводнений, засух и прочих необычных бедствий, воспринимая их как «кары Божьи» за дурное поведение, а рекомендуемые способы повлиять на природу, коллективные и индивидуальные, напоминают магические действия наших предков. Книга Пузанова о далеком прошлом помогает понять нечто и о настоящем.

Юрий Писаренко

Чугаева І.К. *Чернігівське літописання XI–XIII ст.: Історіографічний міф чи історичне джерело?* Відп. ред. В.О. Дятлов. Чернігів: ПАТ «ПВК «Десна», 2018, 336 с.

Книга И.К. Чугаевой посвящена важной проблеме, над решением которой работали многочисленные текстологи древнерусского летописания на протяжении двух веков. Необходимость в подобном исследовании, где были бы сведены воедино и проанализированы догадки, предположения и гипотезы о существовании летописания в одном из главнейших городских центров Руси, ощущалось давно. Приведённая автором историография (в главе «Нотатки до історії чернігівського літописання давньоруського часу», с. 9–29) вполне объективно освещает этот процесс, хотя и не является исчерпывающей. К тому же она представлена достаточно традиционно — в хронологическом порядке, что не даёт возможности оценить причины того, почему в течение столь длительного времени этот вопрос остаётся открытым. Однако книга И.К. Чугаевой не ограничивается только историографическим аспектом, то есть изучением движения исследовательской мысли: почему, на каких основаниях, в рамках каких методов и подходов учёные прошлого полагали возможным искать и отыскивать черниговское летописание при полном отсутствии текстов. Автор намерена ещё раз, самостоятельно, проделать этот путь, который должен привести, в конечном итоге, к ответу на заявленный в названии книги вопрос.

Осознавая сложность проблемы, в самом заглавии автор оставляет себе путь к отступлению, объясняя его (заглавие) следующим образом в предисловии: «Чернігівське літописання XI–XIII ст.: історіографічний міф (вигадка дослідників 200-літнього строку давності?) чи історичне джерело (яке втрачено або, маємо надію, все ж таки існує, але поки нам не доступне)» (с. 6). Хотелось бы увидеть в конце этого пояснения знак вопроса, однако уже из следующего предложения становится понятно, что вопросы придётся ставить в конце книги: «Основними завданнями дослідження є пошук протографів і джерел літописних зводів XIV–XVIII ст., що містять різнопланову детальну південноруську, зокрема і чернігівську за змістом і походженням інформацію, та її інтерпретація, а також реконструкція ймовірних структурних елементів чернігівського літописання XI–XIII ст.».

Таким образом, заглавие книги, сформулированное с вопросительной сдержанностью, на самом деле полемично: автор, в конечном итоге, намерен решить заявленную дилемму в пользу только одной из возможностей, именно — «исторического источника».

Теоретические подходы к своему исследованию И.К. Чугаева описывает в главе «Джерельна база, методологічні підходи та методи реконструкції чернігівського історіописання XI–XIII ст.» (с. 30–58). Для нас в этой главе важнее всего оказывается её второй раздел — «Методологічний інструментарій реконструкції чернігівського літописання давньоруського часу», так как именно здесь, а вернее, в самом окончании раздела автор формулирует в общем виде критерии для выделения текстов, происходящих из черниговских летописей (с. 49–58). Теоретическое обсуждение этих вопросов крайне редко встречается в литературе о летописях, а исследователи, как правило, исключительно экономны в разоблачении собственных методологических принципов. Поэтому ясное и последовательное обсуждение автором понятийного и методологического аппарата, привлекаемого для подобных исследований, представляет собой несомненный интерес. Едва ли не впервые все *loci communes* летописеведения сведены воедино и явлены с замечательной наглядностью.

Исходным пунктом размышлений автор делает следующее утверждение (здесь и далее перевод наш — *В.С.*): «Для того, чтобы выделить летописные фрагменты черниговского происхождения из массива отредактированного летописцами и составителями текста следует прежде всего выделить информацию о событиях в Чернигово-Северской земле» (с. 49). С этой целью И.К. Чугаева обозначает следующие термины и понятия:

- «Летописный материал черниговского содержания», отражённый в целостных летописных сообщениях черниговского содержания, а также в кратких ремарках, уточнениях, деталях и вставках, конкретизирующих черниговскую информацию.

- «Черниговская информация», под которой понимается информация о Чернигово-Северщине и деятельности черниговских князей как на черниговском княжеском столе, так и во время их киевского правления.
- «Черниговские летописные фрагменты», понятие более узкое, но уже более «вещественное»: фрагменты летописного текста, преимущественно значительные по объёму, содержательно посвящённые Чернигово-Северщине и её князьям, а также имеющие черниговское происхождение (или хотя бы указание на него).
- «Черниговская вставка», под которой понимается текст внутри летописной статьи, фрагмента или сообщения, имеющий существенно отличную идеологическую, политическую, содержательную направленность, благосклонную к черниговским князьям или, в частности, Чернигово-Северщине, выпадающий из контекста описываемых событий.

Все дефиниции, как видим, циклической природы и потому тавтологичны: черниговская информация есть черниговская информация. Из этого, как кажется, с необходимостью должен следовать вывод, что вся вообще «черниговская информация» в летописании суть черниговского происхождения. А также другой вывод: в черниговском летописании не было ничего, кроме «черниговской информации», то есть в этом летописании не сообщалось о событиях вне Чернигова и вне круга черниговских тем.

После введения дефиниций, автор переходит к «комплексу признаков и критериев, могущих маркировать черниговский летописный материал (по содержанию, а иногда и по происхождению)» (с. 50). Таких маркеров автор различает числом шесть.

1. Освещение интересов черниговских и новгород-северских князей (аполлетика, сочувствие и оправдание поступков, семейные дела).
2. Точность описания события и его насыщенность мелкими деталями.
3. Природно-географическая информация (топографические детали, локализация событий в пространстве Черниговщины).
4. Социальная информация (упоминания черниговцев и их имён, определение «черниговец», «черниговский»).
5. Языковые и стилистические особенности, в том числе диалектные; прямая речь персонажей; подробно переданные диалоги, точно переданные цифровые величины и т. д.
6. Особенности упоминания черниговских князей (разнообразие полных и сокращённых имён, сочувственное отношение, частотность упоминания).

Как видим, практически ничего из этого перечня не принадлежит к числу формальных приёмов критики текста. Некоторые маркеры, как, например, установление специфически северских диалектизмов в славянском тексте летописи, лежат, видимо, за пределами возможностей; другие, как, например, определение «черниговец», «черниговский», указывают на противоположное искомому происхождение текста (подобные определения дают извне). По-

жалуй, единственный (упомянутый вскользь) критерий действительно заимствован из набора текстологических практик: установление «швов» и «нестыкровок» в изложении, указывающих на «вставки». Но это, впрочем, говорит нечто о работе тех летописцев и их редакторов, что составляли летопись (например, в Киеве) и нисколько не указывает на географическое происхождение «вставки». Таким образом, автор, в точном соответствии с обещанным, работает с содержанием, но не с текстом.

Исходя из намеченных маркеров, определяются темы «черниговского летописного материала», который в дальнейшем автор будет искать (и, забегая наперёд, находить). Это следующие темы:

1. Информация о религиозной жизни в Чернигове (поставления / смерти епископов, сооружение церквей, сюжеты об иерархах).
2. Семейная хроника черниговских князей (рождения, браки, смерти).
3. Военные действия на территории Чернигово-Северской земли, снемы с участием черниговских князей, их походы на половцев, заключение соглашений).

Информация о некоторых из черниговских князей — Всеволоде, Игоре и Святославе Ольговичах, Олеге и Игоре Святославичах, Святославе и Ярославе Всеволодовичах, Всеволоде Черном и его сыне Михаиле.

Мы так подробно остановились на этой части книги И.К. Чугаевой по той причине, что перед нами — наиболее полное изложение приёмов исследования регионального летописания, предположительно дошедшего до нас в составе иных (например, киевских) летописей. Автор собрала воедино и систематизировала практически все, часто непроговариваемые в конкретных исследованиях методы, подходы и пути, при помощи которых наша наука уже много лет отыскивает остатки «областного» летописания. И.К. Чугаева не подвергает эти методы сомнению, считая их эффективность доказанной.

Наука, разумеется, пытается постичь истину. Но наука не всемогуща. Её возможности установить достоверно черты прошлой реальности ограничены, и пределы здесь кладут инструменты, которыми наука располагает, и протоколы, которым она вынуждена следовать. Поэтому в теоретическом разделе мы ожидали бы не постулатов, а обсуждения того, насколько достаточно существующее оснащение науки для поставленных задач. Иными словами, не проблемы возможного существования в прошлом черниговских летописей (чего нельзя исключить), а наших способностей установить это с достаточной научной доказательностью.

Обратимся к тому, как описанная методика реализуется автором на практике и как на основании описанных методов вырисовывается черниговское летописание. Этому посвящена глава четвёртая — «Реконструкція структурних елементів чернігівського історіописання Києво-руської доби» (с. 160–257). В ней автор предлагает реконструкции шести черниговских летописей, определённых по вероятным заказчикам: летописи Давыда Святославича, Святос-

лава Ольговича, летописание Давыдовичей, летопись Игоря Ольговича, Святослава Всеволодовича, Михаила Всеволодовича, а также некую наиболее раннюю стадию, обозначенную как «чернигово-тмутороканская традиция XI в.».

Автор выделяет в тексте киевского летописания тринадцать известных, от 1097 (поход Николая Святоши) до 1123 гг. (смерть черниговского епископа Феоктиста), «связанных с именем Давыда и приближённых к нему персон — черниговских епископов». Таким образом вырисовывается «Летопись Давыда Святославича». И.К. Чугаева заключает, что «вероятно, это была современная летописная фиксация событий», произведённая по инициативе князя Давыда Святославича (с. 172–173). Известия выделены на основании того, что в них упомянуты черниговские князья, церковные иерархи и сообщения содержат развёрнутые даты. Центральной фигурой этих тринадцати известий, вопреки их тексту, И.К. Чугаева видит князя Давыда и поясняет это парадоксальным образом:

Анализируя летописные сообщения за период 6605(1097) — 6630(1123) (время княжения Давыда Святославича в Чернигове), нетрудно заметить, что о нём летописец сообщал кратко и осторожно, в контексте общерусских событий, в которых принимали участие князья-дуумвиры (Святополк Изяславич и Владимир Мономах — *Авт.*). Поэтому князь как бы всегда оставался в тени, возможно, потому, что был небожкого характера и не отличался воинственностью, в отличие от своих братьев (с. 172).

Таким образом, в некотором противоречии с заявленной методикой, летопись Давыда Святославича определяется не богатством, точностью и достоверностью информации о нём, а отсутствием известий. Умолчание, впрочем, также можно рассматривать как последовательно проведённый тематический приём.

Авторство летописи И.К. Чугаева склонна приписывать черниговскому епископу Феоктисту на том основании, что в пределах выделенных ею известий он упоминается неоднократно: под 1108 г. в сообщении об освящении трапезной Печерского монастыря; под тем же годом в сообщении о внесении Феодосия Печерского в синодик; под 1112 г. в сообщении о поставлении его черниговским епископом, под 1115 г. в сообщении о перенесении мощей Бориса и Глеба в Вышгороде; наконец, под 1123 г. в сообщении о его смерти, которым и завершалась «Летопись Давыда Святославича». Вероятно, это был бы единственный в истории случай, когда усопший автор собственноручно составил запись о своей смерти. Но нужно признать последовательность И.К. Чугаевой: в определении авторства летописи она следует методу, принятому в начале исследования.

Таким же «маркером» от содержания определяется и форма летописи:

В текстах о Давыде практически нет (или, по крайней мере, не сохранилось) акцентированного внимания к центральной фигуре героя и его поступкам, идеализации его, употребления ярких художественных приёмов при описании главного

лица, поэтому, скорее всего, это были краткие, лапидарные, анналистические записи. Вероятно, то была современная фиксация событий (с. 172).

Коль скоро так, то события заносились в летопись регулярно, по мере того, как происходили (или по мере того, как о них становилось известно). Здесь автор должна была остановиться перед, казалось бы, непреодолимым препятствием текстологического порядка. В предположительно единой и непрерывной веренице сообщений часть взята из *Повести временных лет*, а часть — из *Киевской летописи* XII в., что само по себе ставит под сомнение возможность их существования в едином тексте. Получалось бы, что *ПВЛ*, написанная в 1116 г., черпала из летописи, доведённой до 1123 г. Но методика содержательного анализа летописи не предусматривает подобных ограничений.

Опустимся на один уровень ниже и посмотрим, по каким критериям попали в черниговские анналы отдельные сообщения за 1097–1123 гг.

В поисках черниговского летописания исследовательница исходит из уверенности, что о событиях в Чернигове могли знать только в этом городе и нигде больше. Это, вообще говоря, распространённое убеждение в летописеведении, на основании которого, начиная с XIX в., различными авторами выделялось так называемое «областное летописание»: обнаруживая известия о происшествиях в Переяславле, Галиче, Смоленске и т. д. и объединяя их в воображаемые серии, исследователи сообщали об остатках «переяславльско-го», «галицкого», «смоленского» и т. д. летописания. Вопреки своей расхожести, утверждение, будто «некиевские» известия в киевской по происхождению летописи должны непременно быть заимствованы из какой-то локальной летописи никем и никогда обосновано не было.

Характерные признаки «черниговского» происхождения И.К. Чугаева обнаруживает в одном из «тринадцати» известий (взятом из *Ипатьевской летописи*) — о поставлении епископа Феоктиста под 1112 г.:

исходащо же сему лѣту и поставиша Феоктѣста епѣкомъ Чернѣгову. игумена Печерскаго . мѣца генвара . въ . вѣ . днѣ . а посажень на столѣ . въ . ѿ . и радъ бѣ князь Дѣвдъ . и кнагини . бѣ бо ѣи шѣ дѣховныи . и боаре . и вси людье радовахуса . бѣ бо пред нимъ епѣтъ болень . и не моги служити . и лежа в болести лѣтъ . кѣ . тѣмъ же князь и людье жадаху епискуплѣ службѣ . и радовахуса славаше Бѣ.

Исследовательница процитировала только часть известия. Если бы она продолжила выписку, снабдив, таким образом, сообщение его контекстом, то было бы достаточно очевидно, что оно связано с историей Киево-Печерского монастыря, в котором вместо уехавшего игумена Феоктиста избрали игуменом «Прохора попина»:

сему же тако бывъшу . и братьи суци безъ игумена . совокупившимса братьи . всѣи . и нарекоша в собѣ игумена Прохора попина . и възвистиша митрополиту . и князю Стополку ѡ немъ . и повелѣ князь митрополиту поставити с радостью . и

поставлень быѣ недѣль масляноѣ . в четвергъ . мѣца феврала . въ . ѿ . днь . и тако видюша в постъ . братья и со игуменомъ (ПСРЛ 2: 274).

То есть, это не «черниговское», а очень киевское, даже «печерское» известие о событии, произошедшем в Киеве, и Феоктист фигурирует в нём прежде всего не как черниговский епископ, а как печерский игумен, уход которого спровоцировал перемены в жизни монастыря. Сообщение о том, что черниговская княгиня была рада этому назначению, также легко объяснимо: «бѣ бо ѿи ѿиѣ дхѡвныи».

Но ровно к такому же роду печерских известий нужно зачислить и предыдущие два, где фигурирует Феоктист, притом именно в роли печерского игумена:

трапезницу кончаша Печерскаго монастыра . при Фектистѣ игуменѣ . юже залоги повеленьемъ Глѣбовомъ . иже ю и стажа (ПСРЛ 2: 259);

того же лѣта вложи Бѣ въ срѣце анхимандриту . игумену Печерскому . нача понужати Фешкитиѣ Стополка кнѣза . вопсати Федосѣа . в синаникъ . Бѣу тако изволю . Стополкъ же радъ быѣ вовбѣщаса створити се (ПСРЛ 2: 259).

Автор рецензируемой книги исходит из того традиционного посыла, что Чернигов был большим городом и, как всякий большой и древний город, должен был иметь своё летописание, которое,

вероятно, должно было возвеличивать князей местной династии Ольговичей [...] Активная жизненная позиция и военно-дипломатическая деятельность представителей Ольговичей в Чернигове, Новгороде Северском и Киеве, а также правление Давыдовичей в Чернигове и Киеве не могли не получить должного освещения на страницах летописных сводов и компиляций, дошедших до наших дней (с. 7).

Эта уверенность в распространённости летописания как вида литературной деятельности и заинтересованности князей в развитии именно этого жанра представляется напрасной. Но на ней основана переадресация значительных по объёму сегментов *Киевской летописи* в пользу воображаемых летописей черниговских. Так, например, практически все черниговские эпизоды из детально описанной борьбы Изяслава Мстиславича за киевский стол за 1146–1149 гг. зачислены в состав «летописи Святослава Ольговича». Получалось бы, что аналогичные сообщения из тех же рассказов, но происходившие в Галицкой земле, должны быть остатками «галицкого летописания»? Метод, принятый в исследовании, делает такой вывод практически неизбежным. Согласно всем маркерам — обстоятельность изложения, богатство деталей, прямая речь галицкого князя Володимерка, географическая приуроченность, знание микротопографии и т. д. по списку — рассказ о посольстве Петра Бориславича, например, должен быть отнесён к утраченной «галицкой летописи».

«Чувствительность» методики можно было бы протестировать на примере различения «черниговской информации» черниговского происхождения (то есть «черниговских летописных фрагментов») и нечерниговского происхождения, например, каких-нибудь «киевских летописных фрагментов». Позволяет ли принятый метод распознавание известий о Чернигове, записанных вне этого города? Но нам не удалось найти в тексте обсуждения такой возможности. Вероятно, о Чернигове ничего не знали за его пределами.

И.К. Чугаева совершенно справедливо полагает, что более точной идентификации текстов можно достичь, прибегая к более строгим методам, например, наблюдениям за языком и стилистическими особенностями. (Хотя, отметим в скобках, обнаружение стилистически или лингвистически отличных от остального массива фрагментов внутри *Киевской летописи* свидетельствовало бы лишь о многослойности её текста, не обязательно об их географическом происхождении). Ещё лучше, если эти черты текста можно отнести на счёт диалектных черт локального говора или специфических особенностей черниговской литературной традиции (хотя последнее, за полным отсутствием сохранившихся достоверно черниговских литературных произведений, строго говоря, невозможно, ибо отсутствует самый образчик стиля). Автор, действительно, уделяет этим разысканиям определённое место в исследовании, но, как оказывается, принятая ею методика содержательного анализа перевешивает другие доводы, и обнаруженные (предположительно) языковые особенности всякий раз указывают в направлении Чернигова.

Не останавливаясь на этой стороне книги И.К. Чугаевой приведём лишь один крайне неудачно, с нашей точки зрения, выбранный пример:

у деяких словах на чернігівських фрагментах помітне новгородське північне «цокання»: «отцина», «Половцин», або заміна «ц» на «ч» і, навпаки, на початку слів або в кінці слова — «человаста хрест», «Городеч», «стареч», «венеч», «сельче» (с. 185).

Почему, собственно, новгородское «цоканье» должно служить языковым определителем черниговского текста? Но дело даже не в этом: приведённые примеры (на самом деле, находящиеся на всём пространстве *Инам.*) отражают не язык воображаемого черниговского автора «Летописи Святослава Ольговича», и даже не язык *Киевской летописи*, но язык того новгородского писца, что в начале XV в. изготовил *Ипатьевский список*.

Подчеркнём особо: книга И.К. Чугаевой есть добросовестное исследование, выполненное «по всем правилам», основанное на знании большого круга литературы, правильно усвоенной. Автор следует всем рецептам, почерпнутым из трудов авторитетных специалистов, и строит своё исследование на почтенной традиции подобных предшествующих опытов. Если нам кажется, что результаты оказались слишком предсказуемыми, то виной тому, скорее, не индивидуальный изъян, а последовательная приверженность раз выбранному методу. А, значит, самое время поговорить об этом методе.

В обширной литературе о летописях очень трудно разыскать работы, где осознанно обсуждались бы методические основания исследования летописных текстов. Учёные предпочитают декларировать существование некоего «метода» (чаще всего, «метода Шахматова»), чем задумываться об эпистемологических основаниях своей дисциплины (о методе Шахматова, впрочем, см. недавно опубликованную книгу: Аристов В. *Алексей Шахматов и раннее летописание. Метод, схема, традиция*. К., 2018). «Метод» как бы демонстрируется, реализуясь в том или ином конкретном исследовании, и всякий заинтересованный может «подсмотреть», как работал предшественник и воспроизвести, по мере сил, его приёмы в собственном исследовании. Таким образом, исследование летописей существует не как теоретическая дисциплина, но как практическое ремесло, достигаемое длительным ученичеством, при котором навыки и умения передаются в поколениях учёных без их осмысления, потому что они традиционно демонстрировали эффективность (то есть, приводили к желаемым результатам).

При этом исследования исходят из неких общих, сформировавшихся довольно давно представлений о культурной ситуации на Руси. Перечислим, по нашему мнению, главные из них:

1. Летописи писали и редактировали достаточно часто.
2. Летописей, следовательно, было много, их должны были создавать в каждом сколько-нибудь значительном городском центре.
3. Летописи, ввиду их многочисленности, свободно перемещались по территории Руси, были доступны в значительных количествах для сличения и компиляции.
4. Летописи имели «официальный» характер, то есть их писали с некоей государственной задачей, и княжеская власть, а попросту говоря сам князь внимательно следил за содержанием летописи, осуществляя своего рода цензуру.
5. Ввиду предыдущего, при смене князя на столе, как правило, меняется летопись, теперь прославляющая нового владетеля.
6. Летописи имели задачу пропагандистскую: очернять врагов и обелять друзей, влияя, таким образом, на политическую и идеологическую атмосферу в стране.
7. Следовательно, летописи писались в «полемике» против другой летописи (или летописи иного князя или города) и, таким образом, летописи находятся в постоянной пикировке и препирательстве друг с другом.

Не будем обсуждать достоверность такого образа культуры. Отметим, что из него в значительной степени вытекают обобщённые подходы к летописным текстам. Они апеллируют к явлениям, вполне возможным при определённых условиях, но в летописеведении возведённым в ранг всеобщего и непреложного правила:

1. Поскольку летописных текстов сохранилось гораздо меньше, чем предположительно бытовало, былое многообразие, вероятно, оказалось по-

гложено наличными текстами, следовательно, внутри любой летописи можно и должно открывать остатки предыдущих летописей.

2. Одним из критериев подобного различения «слоев» летописи и «предшествовавших ей сводов» есть идеологическое содержание сообщений.
3. Другим критерием являются «местные» известия, попавшие исключительно из письменного источника, и, следовательно, указывающие на региональную летопись, подлежащую реконструкции.

Всё это, как видим, оказываются не технические приёмы работы с текстами, но тоже в значительной степени подходы, продиктованные идеологией, некими априорными представлениями о природе прошлой реальности. Возведение их в ранг «метода» неизбежно приводит к одному и тому же результату, предопределённому идеологией. Эти приёмы не нейтральны по отношению к результату (в отличие, например, от критики текста (стемматического метода) или, в меньшей степени, метода колляции параллельных текстов), но содержат в себе будущий результат. Перефразируя известное высказывание: если вашим единственным инструментом есть молоток, всё вокруг оказывается гвоздём.

Мы плохо знаем, как распространялась и циркулировала информация на Руси. С какой скоростью доходили известия, как точны они были в передаче? Где концентрировалась информация? Какие центры служили, выражаясь по-современному, её коммуникационными хабами? Мы можем только предполагать, что крупные городские центры, такие, как Киев, связанные множеством нитей с остальными регионами, служили пунктами сосредоточения и обмена информацией. Здесь происходил постоянный переток людей: торговых, военных, придворных, приносивших извне и разносивших вовне известия. Мы можем думать, что такими центрами были епископские канцелярии и, главным образом, крупнейшие монастыри. Ещё одним центром концентрации информации являлись княжеские дворы с их администрацией, чья компетенция простиралась на значительные географические пространства, да к тому же постоянно контактирующие с дворами других (союзных и враждебных) князей. Часть этой информации, не исключено, циркулировала в письменном виде, но в большинстве сведения доходили устно.

Не ясно, помогают ли подобные неопределённости в непосредственной работе с текстом, но они, во всяком случае, служат предупреждением, что подходить к исследованию летописей с некими априорными знаниями крайне рискованно.

Вадим Ставиский